

ЛЕДЯНОЕ ВЗМОРЬЕ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Ледяное взморье / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Личный отряд Берии. Романы о неизвестных операциях НКВД).

ISBN 978-5-04-205565-2

1942 год. В пригороде Риги фашисты организуют учебный центр для ликвидации крупных партийных деятелей и высшего офицерского состава РККА. Обучение диверсантов поручено бывшему советскому полковнику Грунову. Узнав об этом, Сталин лично отдает приказ об уничтожении Центра и доставке Грунова в Москву для открытого судебного процесса над предателем. Выполнение задачи поручено группе майора Максима Шелестова. Он отвергает предложение командования открыто прорваться на территорию учебной базы — слишком рискованно. У майора есть свой, дерзкий и необычный, план проведения этой опасной операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205565-2

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Юнкерсы» налетели, как по расписанию, в 9.00. Они зашли на город Ломов тремя звеньями в сопровождении истребителей «Мессершмитт». Одно звено сбросило бомбы на железнодорожную станцию, где в это время стоял состав с цистернами горючего. Северную часть города охватило пожаром, поднялось черное облако дыма. Второе звено отбомбилось по промышленной зоне. Третье вышло к центру. Слишком поздно завизжали сирены, ударили зенитные батареи. Много людей не успело добежать до бомбоубежищ.

Сотрясая от взрывов и штаб стрелкового корпуса. Три пятидесятикилограммовые бомбы разнесли здание райкома, отдела милиции, начальной школы. Досталось и самому штабу. Взрывы бомб практически разрушили левое крыло, где находились отделы службы тыла, зал совещаний.

Гитлеровские самолеты развернулись за Ломовым и пошли на второй заход. Строй их распался. «Юнкерсы» шли по одному, но по всей ширине города с востока на запад. Грибами взрывов покрывались кварталы частного сектора.

Командир корпуса генерал-майор Воронин еще вчера, 6 августа, убыл в штаб армии, за него остался начальник штаба, полковник Грунов.

Во время налета он находился в оперативном отделе. Когда содрогнулось здание, в штабе сработала сигнализация, та же самая, что и в городе, сирена, но малой мощности. Офицеры, исполняя инструкции, забрали важные документы, личное оружие и побежали в подвал, где было оборудовано убежище.

Начальник оперативного отдела крикнул Грунову:

— Товарищ полковник, авианалет, быстрее в подвал!

Полковник ответил спокойно:

— Уходи, мое место здесь.

— Но ведь погибнете.

— Значит, такова судьба.

Подполковник вместе с подчиненными офицерами выскочили в коридор.

Грунов снял трубку полевого телефона, нажал вызывную кнопку. Ответил дежурный по узлу связи, не имевший права, как оперативный дежурный и весь наряд, покидать служебное место ни при каких обстоятельствах:

— Лавров на связи.

— Капитан, это начальник штаба.

— Да, товарищ полковник?

— Соедини меня с госпиталем.

Через разрывов выбила окна и в оперативном отделе, как, впрочем, и во всем здании, пахло дымом.

— Вы слышите меня? — спросил связист.

— Слышу, — так же спокойно ответил Грунов.

— Вам бы в убежище уйти.

Начальник штаба повысил голос:

— Я что запросил? Связать меня с госпиталем!

А что делать исполняющему обязанности комкора, я разберусь как-нибудь без тебя.

— Одну минуту. Черт!

— Что такое?

Взрыв рядом со зданием встряхнул его.

Дежурный капитан проговорил:

— Осколок в ногу.

— Аппаратура цела?

— Так точно.

— Сам как?

— Да вроде обошлось, кость не повреждена.

Осколок застрял в мышцах бедра. Извините, соединяю... если получится.

— Давай, капитан, и не обижайся.

— Понял.

Раздался вибрирующий длинный гудок, ответил начальник госпиталя:

— Майор Седов.

— Грунов. Что у вас?

— Разбит склад с медикаментами, хорошо, что оттуда все еще позавчера забрали. Хотя, чего хорошего, новой партии из армии так и не подвезли. Еще пару дней и — нечем лечить раненых...

Начальник штаба прервал медика:

— Меня интересует, что с ранеными и медперсоналом.

— С этим пока порядок. Это просто чудо, что бомба упала в больничном саду, хотя там тоже могли быть люди. Проверю. Легкораненые выведены в

бомбоубежище, тяжелых укрыли чем смогли. Среди личного состава потерь нет. По крайней мере, никаких докладов о потерях я не получал...

И вновь начальник штаба прервал начальника госпиталя:

— Тяжелых надо опустить на первый этаж, чтобы при повторной воздушной атаке срочно укрыть в убежище.

— Так они у нас и так на первом этаже. Считаете, на сегодня авиация уже закончила?

— Если ты помнишь, майор, я начальник штаба, исполняющий обязанности командира стрелкового корпуса РККА, а не командующий фашистской авиацией. Так что их планы мне неизвестны, но готовьтесь к повторению атаки.

— Да мы готовы.

— Хорошо.

— Извините, Дмитрий Алексеевич, вы не прозондируете насчет доставки медикаментов и перевязочного материала?

— Свяжусь со штабом армии, уточню, сообщу.

— Благодарю.

— Не на чем. Тебе отбой!

Начальник госпиталя отключился.

Грунов вышел на дежурного:

— На месте, капитан?

— Так точно.

— Тебе медик нужен?

— Нет, сам перевязал рану, до того извлек осколки — и до чего же острый, как бритва.

— Молодец, теперь свяжи меня с командиром зенитного дивизиона.

— Есть!

Вышел на связь зенитчик, подполковник Маслов:

— Слушаю!

— Это Грунов.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— Ответь мне, Сергей Сергеевич, ты что, не знал, что немцы обычно проводят авиационные налеты в 9 часов?

— Знал, конечно.

— Так почему же, черт возьми, зенитные батареи не встретили гитлеровскую авиацию на подлете к Ломову? — рывкнул Грунов.

Командир дивизиона не остался в долгу:

— А потому, что снаряды к орудиям вместо вчерашнего вечера подвезли на склад дивизиона только сегодня в 8.10. А их еще надо было развезти по батареям. Как комбаты получили снаряды, так и открыли огонь. И не надо на меня кричать, Дмитрий Алексеевич, сам голос едва не сорвал.

— Так, значит? Но тогда ответь, почему я не знал о том, что твои батареи целую ночь стояли без боеприпасов?

— Ждали. Связывался с начальником ПВО армии, генерал Артемьев передал, что колонна сформирована и скоро выйдет к нам. Это «скоро» продолжалось до утра.

— Понятно, бардак есть бардак. Потери в дивизионе есть?

— Есть. Два расчета вместе с орудиями уничтожены, пятеро раненых, два тяжелых, три орудия повреждены, но будут восстановлены. Огнем зенитных батарей уничтожены три «Юнкерса» на встречном курсе при втором заходе, один «мессер». Пилоты не выпрыгнули, самолеты упали в районе

леса. Добро, что не на город, а то уничтожили бы дома с людьми.

Грунов приказал:

— Рапорт об отражении воздушной атаки мне на стол к 12 часам.

— Есть.

— И смени позиции батарей, установи маскировку.

— Да знаю я, что делать.

— Выполняй приказ!

Начальник штаба вызвал дежурного по узлу связи:

— Капитан!

— Я, товарищ полковник.

— Что-то голос у тебя слабый.

— Да кровь остановить не могу. Зачем я вытащил осколок?

— Кто у тебя в наряде?

— Лейтенант Яковлева.

— Ты вот что, Лавров, возьми бойца в помощь и иди-ка в госпиталь, потеря крови — это серьезно, дежурство передай лейтенанту.

— Есть.

В трубке раздался грудной голос молодой женщины:

— Лейтенант Яковлева.

— Свяжи-ка меня, лейтенант, с начальником железнодорожной станции.

— Извините, не могу, со станцией связи нет. Видимо, оборваны провода, телефонисты уже вышли на проверку.

— Тогда давай штаб армии, генерала Сазонова.

— И со штабом армии связать не могу по той

же причине. Как только телефонисты установят обрывы, я доложу.

— Добро, отбой.

Полковник, бросив трубку, прошел в свой кабинет.

Там у разбитого окна стоял его заместитель, подполковник Дургин.

— Ты уже здесь? А где Сазонов?

— Начальник разведки в госпитале.

Грунов нахмурился:

— В госпитале? Ранен?

— Нет, Дмитрий Алексеевич, у Саши же там «полевая жена», медсестра, вот и пошел узнать, как она.

— Нашел время.

Грунов выбил из пачки «Казбека» папиросу, прикурил. Предложил заместителю. Тот отказался:

— Накурился уже, пока ждал вас. Скажите мне, полковник, почему немцы именно сегодня нанесли по городу авиационный удар?

Грунов пожал плечами:

— Видимо, командир авиационного полка не знал о делах разведки.

— Сомнительно, чтобы его не предупредили. Ведь всех нас могло порвать на куски в штабе.

— Не порвало же, и вообще, Федор Архипович, давай ступай в госпиталь, забирай Сазонова, Тернова с его людьми и с машинами подъезжай к разрушенному крылу штаба.

Дургин сказал:

— Это не останется без внимания дивизионного комиссара, а Иван Александрович Антохин помешан на бдительности. У него, как и у начальника

особого отдела, везде враги или в лучшем случае их пособники. У вас есть что сказать им, если увидят, как мы выезжаем?

— Естественно. Более того, я оставлю за себя Антохина.

— Хороший ход.

— Это не ход, так положено по штату в отсутствие командира и его прямого заместителя. А у нас генерал в штабе фронта, а вместо погибшего генерала Решко еще никого не прислали. Ну, ступай, ступай, время и так поджигает.

Подполковник ушел.

Начальник штаба открыл сейф, достал захваченные из секретной части документы и карты, сложил в портфель, проверил «ТТ». Снял трубку телефона:

— Лейтенант Яковлева.

— Соедините с дивизионным комиссаром.

— Так он только что с начальником особого отдела у нас был. Они пошли к себе. Может, я делаю что-то не так, товарищ полковник, но как соединить с начальством, если его нет в кабинетах?

— Все правильно, лейтенант, я их встречу.

И тут же в его кабинет зашел начальник политотдела корпуса дивизионный комиссар Антохин.

Звание «дивизионный комиссар» соответствовало армейскому званию «генерал-майор». И должность начальника штаба была генеральской. Так что по штату в отсутствие командира корпуса и заместителя командира обязанности командира обычно исполнял НШ.

— Рад видеть вас живым и невредимым, Дмитрий Алексеевич, — улыбнулся кривой ухмылкой политработник.

— Вас так же, Иван Александрович, собирался к вам, а вы сами зашли.

— Причина? — несколько удивленно спросил комиссар.

— Есть причина. Мне надо срочно выехать в расположение N-ской стрелковой дивизии, которая дислоцируется на стыке с дивизией соседнего корпуса.

— Я знаю, что и где у нас расположено. Один вопрос: для чего вы выезжаете в дивизию?

— Я обязан отчитываться перед вами?

— Нет, я просто прошу ответить на мой вопрос.

— Задайте его командиру корпуса, как вернется.

— Хорошо. А что вы нервничаете?

— А то, товарищ дивизионный комиссар, что положение корпуса тяжелое. Если немцы на нашем направлении начнут масштабное наступление, долго мы не продержимся.

Взгляд начальника политотдела стал колким:

— Вот только давайте без паники. Сейчас не 41-й год, чтобы отступать. Немцы бросили все силы на Сталинград. Вот где будет рубка. Уверен, победа наших войск под Сталинградом в корне изменит весь ход войны и сломит хребет фашизму.

Начальник штаба не стал говорить, что произойдет, если не Красная армия, а гитлеровцы одержат эту победу. Это станет катастрофой. Но дивизионный комиссар не из тех людей, которых можно посвящать в свои мысли. Все переиначит, все исказит... себе на пользу. Впрочем, дела на фронте Грунова уже мало интересовали.

— Никакой паники. И вы правы, мы разгромим фашистскую Германию. Не в этом, так в следующем году.

— Вот так-то лучше. А зачем вы хотели видеть меня?

— Чтобы передать командование корпусом до своего или генерала Воронина возвращения.

— Считайте, что передали. Аккуратнее на переводной.

— Конечно. Да, со мной едут ЗНШ и начальник разведки.

— Охрана?

— Четыре человека.

— Не мало?

— Мы же в своем тылу.

— Ну да, ну да. Что ж, удачи.

— Благодарю.

Дивизионный комиссар ушел.

Начальник штаба проводил его тяжелым взглядом. Начальник политотдела спустился по центральной лестнице, Грунов, забрав портфель, вышел на улицу через пожарный выход, дошел до разрушенного крыла. Завалы не разбирались, он специально не отдал команды на это.

Недалеко за поваленным забором стояли «эм-ка» и «ГАЗ-4», новый советский пикап. У первой машины — заместитель начальника штаба Дургин, начальник разведки Сазонов, водитель, младший сержант Белик. У «ГАЗ-4» — командир взвода штабной роты лейтенант Тернов — старший охраны, водитель ефрейтор Гусько. В кузове сержант Буленко, красноармейцы Каранян и Гурич.

Уже от развалин полковник подал команду:

— Все по местам!

Водитель и офицеры заняли места в автомобилях.

В «эмку» за старшего сел начальник штаба, позади Дургин и Сазонов, в «ГАЗ-4» — Тернов, Гусько и трое бойцов в кузове.

Полковник взглянул на Белика:

— Вперед, Боря, на Ленина, с нее сразу же на Заводскую, мимо госпиталя, на шоссе.

— Извините, товарищ полковник, — проговорил водитель, — а дальше куда?

— В Н-скую стрелковую дивизию, в штаб.

— Понял.

— Но, Боря, — попросил начальник штаба, — по шоссе пройдешь не более километра, далее будет грунтовка, уходящая в лес, свернешь на нее.

Младший сержант удивился:

— Так мы на этой грунтовке подвеску оставим, товарищ полковник.

— Ничего. Лучше оставить подвеску, чем попасть под «Юнкерсы», а у немецкой авиации сегодня, похоже, загруженный день. Скоро вновь налетят на Ломов, ну и, естественно, не пропустят автомобили на шоссе.

Младший сержант вздохнул:

— И чего они так взялись за этот городок? Или у них других целей нет для бомбардировок? Та же передовая, областной центр.

— Немцам, Боря, возможно, стало известно, что в Ломове находится штаб корпуса, а это цель серьезная. Передовую же и областной центр они тоже не забудут.

— Понятно. Заявились, суки, на нашу голову. И чего люди воюют, товарищ полковник? Жили бы в свое удовольствие, кто в Союзе, кто в Германии. Ведь и у них революция была.

— Что, хорошо жил, Боря, в своем колхозе?

— Неплохо. У нас колхоз большой... был. Под пять тысяч народу, клуб двухэтажный, прямо перед войной поставили, своя школа начальная, когда меня призывали, начинали строить семилетку. Больница хоть и небольшая, а все есть где подлечиться. Особенно хорошо летом, как сейчас. Как стемнеет, после клуба возьмешь девчонку, и к реке. Там голыми в воду, потом... ну, сами понимаете. Нет, хоть и прижимали с работой, но жили хорошо, в достатке, в город особо никто не рвался.

Полковник спросил:

— Ты ведь женатый у нас?

— Не-е, это Гусько женатый. Мы с ним с одного села. Вместе призывались.

— А ты, значит, девок портил?

Младший сержант утер нос.

— Не без этого, но с их согласия. Не насильничал. Были у меня...

Начальник штаба прервал младшего сержанта:

— Потом, Боря, расскажешь, смотри вперед, за подъемом поворот на грунтовку.

— Понял.

Колонна свернула в лес, пошла по извилистой грунтовке.

Лейтенант Тернов, старший группы охранения, удивился маневру «эмки»:

— И чего они на грунтовку ушли? Это же крюк какой до штаба дивизии!

Гусько спокойно ответил:

— Начальству виднее, товарищ лейтенант. Думаю, начальник штаба боится налета авиации. Ведь в лесу нас не видно с воздуха, а шоссе — как

на ладони. Немцы же большие любители поохотиться за командирскими машинами.

— Наверное, ты прав.

— Вот только впереди разрушенная деревня Стеренька вдоль берега реки Стерны, через реку мост. Если он тоже разрушен, как и деревня, то придется возвращаться. Стерна хоть и неширокая река, а глубокая.

— Ты откуда знаешь?

— Ездили туда с командиром роты.

— Да? — удивился лейтенант. — И зачем, если не секрет?

— Вы ротному не скажете?

— Нет, слово офицера.

— Медсестра у него там в госпитале. С ней и выезжали в Стереньку. «ГАЗ-4» удобная машина. В кузове места для любовных утех более чем достаточно, и из-за бортов не видно. А пока они миловались, я пошел искупаться. Как раз у моста. Он тогда целый был. Сунулся — от берега сразу глубина, прошел вдоль всей деревни, спешить-то некуда, в одном месте только мелко, но на середине с головой.

— Ну, капитан, молодец. И что за медсестра?

— Извините, товарищ лейтенант, этого не скажу. Не мое это дело.

— И правильно. Ну что ж, будем надеяться, что мост сохранился и не придется возвращаться. А Грунов верно поступил, что свернул в лес. Утренней бомбардировкой сегодня дело не кончится. Налетят «крестовые» еще пару раз, если уж взялись за Ломов. Ты, Леша, не жмись к «эмке», соблюдай дистанцию, а то резко затормозит, и сомнешь ей зад.

Водитель «ГАЗ-4» сбавил скорость.

Поездка по лесу заняла около получаса. В это время над лесом пролетели две «рамы». В основном эти самолеты использовались немцами в разведывательных целях, но могли и атаковать. На вооружении они имели два пулемета, могли нести четыре пятидесятикилограммовые бомбы. Далеко не безобидные «птички». Самолеты ушли в сторону городка, это говорило о скором повторном налете «Юнкерсов».

Гусько, когда стих шум самолетов, взглянул на взводного:

— А ведь Грунов как в воду смотрел. Будь мы на шоссе, эти «рамы» могли разнести нас в клочья.

— Могли разнести, а могли и уйти, это смотря какая задача поставлена экипажам, но то, что в лесу намного надежнее и безопаснее, очевидно. Через кроны пилоты нас не видят.

— Не появились бы они у Стереньки. К деревне дорога выходит из леса и идет по полю где-то с километр.

— Воздушная разведка ушла, а налет немцы проведут на город, так что беспокоиться не о чем.

— Интересно, где наши «Яки» с военных аэродромов армии?

— Там, где надо. Да и в полках не более восьми-десяти истребителей. Немцы, атакуя утром Ломов, девять бомбардировщиков прикрывали шестью «мессерами». У них с авиацией порядок.

— И у нас был бы порядок, если бы в начале войны не потеряли и аэродромы, и самолеты.

— Ничего, промышленность работает, американцы помогают по ленд-лизу, скоро наши начнут гонять «мессеры».

Водитель вздохнул:

— Ну дай-то бог!

Лейтенант удивился:

— Ты, ефрейтор, комсомолец?

— Не-е, — улыбнулся водитель, — кандидат в члены ВКП (б).

— Тем более, а бога поминаешь?

— Невольно вырвалось. Да и чего греха таить, на передовой перед боем все молятся: и партийные, и беспартийные, и красноармейцы, и командирский состав.

— Ты прекрати это.

— Есть! А вот и поле.

«Эмка» пошла по грунтовке открытого места. Она шла прямо к развалинам, к мосту. Младший сержант Белик увеличил скорость.

Его примеру последовал и Гусько.

Пассажиров затрясло, из кузова донеслось:

— Эй, водила, не дрова везешь.

Тернов крикнул бойцам охраны:

— А ну отставить разговорчики, смотри, какие нежные.

«Эмка» резко затормозила у реки. Мост был разобран. Именно разобран, а не разрушен. Бревна валялись тут же, на берегу.

Лейтенант Тернов сориентировался мгновенно:

— Группа, к бою!

Бойцы выскочили из кузова, укрылись в ближайших развалинах.

Вышли из «эмки» и офицеры.

Тернов крикнул начальнику штаба:

— В укрытие, товарищ полковник. Кто-то специально разобрал мост. Это может быть засада.

Но старшие офицеры на удивление вели себя спокойно.

— Лейтенант, — ответил начальник разведки, — кому здесь, в этой глуши, устраивать засаду? На кого? По этой грунтовке никто не ездит.

Тернов поднялся, подошел к офицерам.

— Но кто-то же разобрал мост!

Дургин усмехнулся:

— Да наши и разобрали.

— Зачем?

— Ты не слышал о диверсионных группах? Вот разведвзвод или какое другое подразделение N-ской дивизии и разобрали мост. С той стороны теперь только вплавь можно переправиться.

— Но тогда проще было подорвать его.

Вперед вышел начальник штаба:

— Как думаешь, лейтенант, если бы тут была устроена засада, стояли бы мы на берегу и вот так спокойно беседовали?

Тернов смутился:

— Никак нет. Нас уже отправили бы на тот свет. Но разрешите осмотреть развалины?

— Это только время терять. Бери своих бойцов, водителей, и давайте укладывайте бревна обратно. Полчаса вам на восстановление моста.

— Но... мы охрана.

Грунов повысил голос:

— Тебе не понятен приказ, лейтенант?

— Никак нет, все понятно. Разрешите выполнять?

— Давно пора.

Тернов передал бойцам команду:

— Ко мне!